

славяне, несмотря на видимое многобожие, признавали одного Бога [1]*, отца природы, и это существо они понимали сознательнее, чем таинственную судьбу — греки, а скандинавы — *Альфатера* [2], который не участвует в делах человеческих. Единобожие славян неоспоримо. *Проконий*

Кесарийский говорит, что славяне признавали в его время единого Бога, творца грома и молнии, и, кроме того, почитали духов, которыми, по своему понятию, населяли природу. То же говорит *Гельмольд* относительно славян прибалтийских: несмотря на то что славяне признают много божеств, они имеют сознание о верховном существе и отличают от своих богов Бога небесного, всемогущего, пекущегося о небе и земле. У *жизнеописателя Оттонова* [3] славяне говорят сами, что они признают великого Бога, обладающего всеми богатствами.

* Разъяснения имен, названий и отдельных выводов автора см. в разделе «Комментарии» в конце книги. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Из летописи нашего *Нестора* видно [4], что русские славяне имели понятие о едином верховном существе, которого по преимуществу называли Богом и отличали его от *Перуна*, главного из второстепенных божеств. Другие божества были существа, происходившие или вытекавшие от верховного. Так Гельмольд нам поясняет [5] этот основной догмат славянского языческого богословия: прочие божества, говорит он, истекли постепенно от высочайшего Бога и как бы рождаются из крови его; и от того из них тот выше и совершеннее, кто более приближается к Богу богов. Следовательно, коренной принцип славянской религии — эманация; по славянскому понятию, и нравственная, и физическая природа представляется живущей, заключающей в каждом явлении своем жизненный дух, исходящий из зиждителя. Такой принцип эманации подал *Коллару* и *Ганушу* [6] повод видеть в славянской религии единство с индийской.

Однако славянское понятие о божестве совсем не пантеизм. Бог, или *Прабог*, как называет его Коллар, не сам образовал мир, не рассеялся в своем творении, а только испустил из себя духов, которые населяют материю и служат как бы посредниками между мертвою массой и всеоживляющим началом, но сами существуют от Бога отлично. Славянское верование скорее имеет разительное сходство с учением *Зенд-Авесты* о *феруанах* и *изедах* [7].

Ближайшее к Богу истечение есть свет, и потом, при тщательном рассмотрении, мы найдем, что существеннейшая часть язычества славянского относится к светопоклонению. У славян было верование, что существо света являлось на земле и воплощалось в человеческом роде. Это ясно из одного места Ипатиевской летописи [8]. Некогда царствовал на земле Сварог (высочайшее существо, отец света), он научил человека искусству ковать и брачным связям; потом царствовал сын его *Даждь-бог**, «еже нарицается солнце». В слове *Сварог* можно угадать санскритское слово *свар* [9], свет,

* Вариант: Дажьбог.

небо, от сего быть может и наше слово *вар*. Руководствуясь этим важным местом, мы постараемся отыскать во многих идолах славянских, почитаемых за особенные существа, то же поклонение свету физическому и духовному.

Дитмар Мерзебургский говорит [10], что в городе Редегасте [11] (Ретре) у полабских славян был храм с деревянными изображениями божеств, из которых выше всех был *Сварожич*. Зная, что Сварог есть свет и отец Дажь-бога, также света, солнца, нетрудно, кажется, увидеть, что Дажь-бог и Сварожич — лицо одно и то же. Храм его, говорит Дитмар, построенный из дерева, поддерживался в основании рогами животных, стены исписаны были разными изображениями богов и богинь; в храме стояли боги, исчерченные таинственными письменами, страшно убранные в шишаки со щитами; посреди всех стоял Сварожич, почитаемый больше всех язычниками, которые сносили в храм свои знамена, когда они не нужны были на войне. Хранить храм определены выбранные жителями лица; когда приносили жертвы или умоляли божество утишить гнев, они сидели, в то время когда все стояли, и, шепча, по очереди ударяли в землю: таким образом они разрешали по брошенным жребиям сомнения; после этого, украсив зелеными ветками коня, почитаемого священным, проводили его через копы, воткнутые в землю, накрест одно к другому. Когда в обоих гаданиях замечали благоприятное предзнаменование, то приступали к замышляемому делу, ежели же нет, то покидали намерение. Город, где стоял идол в храме, помещается у Дитмара в деревне Редерариум; он с тремя воротами и окружен священной рощей.

Адам Бременский в своей Церковной истории [12] описывает в городе Ретре храм идола, называемого *Радегаст*. Град, где был храм, имел девять ворот и окружен был озером, через которое проходили по мосту те, кому надлежало туда идти для жертвоприношений и гаданий. То же говорит Гельмольд [13], прибавляя, что Радегаст был верховным божеством и богослужение ему отправлялось

очень разнообразно. В храм стекались для жертвоприношений и гаданий: эти обряды отправлялись вместе. Перед началом богослужения жрецы гадали и по жребиям давали пророчения: угодна или негодна будет жертва в настоящее время; и если угодна, то закалывали быков и овец, жрец возливал на идола кровь жертвы, чтобы сделать его благосклоннее; потом возвещаемы были советы и пророчения.

Во время борьбы с христианством приносились в жертву и поклонники Иисуса. О наружном виде Радегаста Адам Бременский говорит, что идол был золотой, а ложе у него пурпурное. Конечно, это преувеличение: вероятно, идол был позолоченный. Подробное описание Радегаста оставила нам *Хроника саксонская* [14]. На голове у него сидел орел с распростертыми крыльями, а на груди была черная бычья голова, изображенная на щите; этот щит идол держал правой рукой, а в левой он имел секиру с двумя остриями.

Радегаст и Сварожич были одним и тем же божеством. Доказательства следующие:

1. Дитмар, говоря о Сварожиче, называет город, где он находился, городом Радегаста, а из *Хроник саксонской и любекской* [15] мы узнаем, что поклонение Радегасту было в разных местах Славящины, и те города, где находились капища этого божества, назывались его именем. Дитмар мог описать один из многочисленных храмов, подобных тому, какой описан в Ретре Адамом Бременским и Гельмольдом.
2. Как к Сварожичу, так и к Радегасту приходят для жертвоприношений и оракула.
3. Как тот, так и другой называются верховным божеством. Ежели же Радегаст однозначителен со Сварожичем, то он одно лицо и с Дажь-богом и означает воплощение света физического и нравственного.

Предание о царстве солнца видно и в поверьях о Радегасте, ибо славяне верили, что Радегаст был героем, некогда царствовал со славой, потом пал в бою и сделался божеством, то есть с ним соединяли священную историю о воплощении светоносного начала, боровшегося с противным злым существом, как яснее увидим далее. Но уже довольно ясно, что Радегаст, или Сварожич, был посредником между небом и землей, высшей мудростью; вместе с тем *Вацерад* [16] говорит, что Радигост, внук Киртов (кор = солнце), был покровителем гостеприимства и промышленности, ибо гость означал и купца. При этом он был божеством войны, что показывает оружие в руках и кровавые жертвы; и потому-то его называют Марсом славянским: мы уже знаем, что по славянскому верованию владеть оружием божество научило людей вместе с земледелием, как и у зендов. Вспомним, что и *Аполлон* представлялся воюющим, стрелком из лука; и у всех светопоклонников светоносное начало изображалось воинственным, в смысле борьбы его с мраком и злом.

То же значение, какое имели Сварожич и Радегаст, имел и *Свантовит*, которому первосвященническое богослужение отправлялось на острове Рюгене и описано *Саксоном Грамматиком* [17]. На меловом утесе северо-восточного рюгенского мыса стоял укрепленный, но незначительный по пространству град или замок *Аркона*, служивший для отправления богослужения и для укрытия жителей во время неприятельских набегов. Посреди града была площадь; на ней стояло деревянное, изящно отделанное здание, в котором находился идол Свантовита. Внешний вход в это здание был аркообразный, и карнизы украшены рисунками грубой работы. Храм разделялся на две части: посреди здания находилось отделение на четырех колоннах — вместо стен ему служили висячие покровы. Кроме потолка, блестящего красной краской, внутреннее отделение не сообщалось с внешним.

Там-то стоял идол Свантовита, превосходивший огромностью всякий рост человеческий, с четырьмя головами и четырьмя шеями,

с двух сторон представлялись две спины и две груди; борода у идола была тщательно прибрана, волосы острижены, так что художник подражал прическе рюгенцев. В одной руке идол держал рог с вином, который жрец, определенный в святилище, наполнял ежегодно в назначенный день вином и по этому вину угадывал благоденствие будущего года. Левую руку он держал, согнувши наподобие лука, — по другим известиям, держал в ней лук. Идол был одет; одежда достигала колен, которые были сделаны не из одного дерева с туловищем, но так искусно соединены с ним, что пронизательный глаз не мог приметить раздела. Ноги его стояли на голой земле, и подошвы входили в землю.

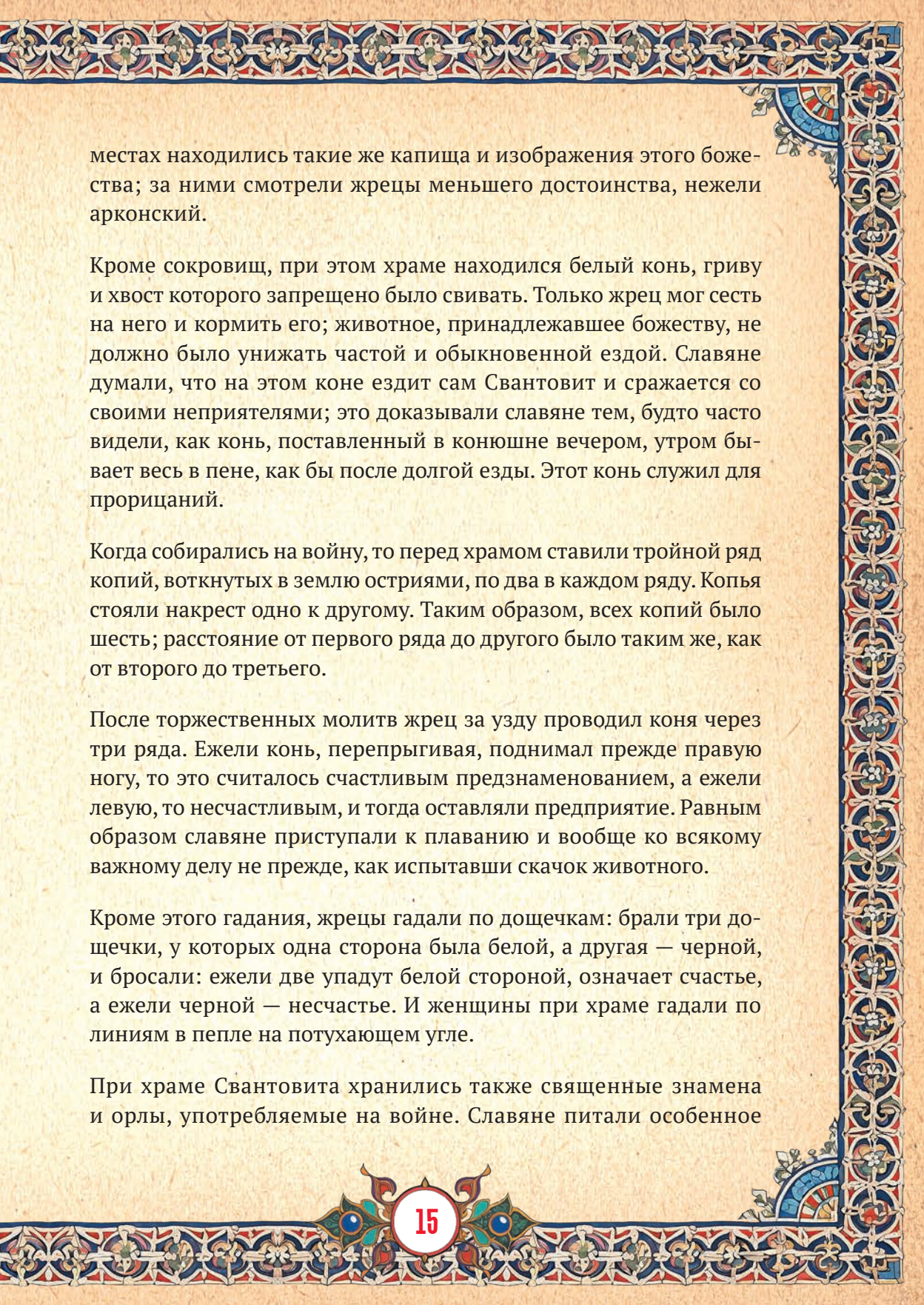
Подле идола находились его принадлежности: седло, узда и замечательный огромный меч, ножны и рукоятка которого блистали серебром и прекрасной работой. Свантовиту отправляли богослужение в определенные дни и гадали о будущем. Он был богом плодов земных и богом войны.

Каждый мужчина и каждая женщина считали обязанностью благочестия принести ему в дар монету; ему принадлежала также третья часть добычи, взятой на войне; назначалась для его охранения вооруженная гвардия из трехсот конных воинов и стольких же пеших стрелков, сражавшихся во имя бога и называвшихся его войском: все, приобретенное ими оружием и хитростью, приносилось жрецу, который сохранял достояние божества в запертых сундуках, в особенных коморах*.

Кроме избытка денежного, в этих коморах находилось много пурпурных материй, уже истлевших от времени, и огромное количество даров разного рода, общественных и частных, приносимых щедростью дающих обеты.

Вся Славянщина питала [18] уважение к рюгенскому истукану, и даже чужеземные цари посылали туда подарки. И в других

* Здесь: чуланах, кладовых.

местах находились такие же капища и изображения этого божества; за ними смотрели жрецы меньшего достоинства, нежели арконский.

Кроме сокровищ, при этом храме находился белый конь, гриву и хвост которого запрещено было свивать. Только жрец мог сесть на него и кормить его; животное, принадлежавшее божеству, не должно было унижать частой и обыкновенной ездой. Славяне думали, что на этом коне ездит сам Свантовит и сражается со своими неприятелями; это доказывали славяне тем, будто часто видели, как конь, поставленный в конюшне вечером, утром бывает весь в пене, как бы после долгой езды. Этот конь служил для прорицаний.

Когда собирались на войну, то перед храмом ставили тройной ряд копий, воткнутых в землю остриями, по два в каждом ряду. Копья стояли накрест одно к другому. Таким образом, всех копий было шесть; расстояние от первого ряда до другого было таким же, как от второго до третьего.

После торжественных молитв жрец за узду проводил коня через три ряда. Ежели конь, перепрыгивая, поднимал прежде правую ногу, то это считалось счастливым предзнаменованием, а ежели левую, то несчастливым, и тогда оставляли предприятие. Равным образом славяне приступали к плаванию и вообще ко всякому важному делу не прежде, как испытавши скачок животного.

Кроме этого гадания, жрецы гадали по дощечкам: брали три дощечки, у которых одна сторона была белой, а другая — черной, и бросали: ежели две упадут белой стороной, означает счастье, а ежели черной — несчастье. И женщины при храме гадали по линиям в пепле на потухающем угле.

При храме Свантовита хранились также священные знамена и орлы, употребляемые на войне. Славяне питали особенное